

СЕРГЕЙ ГОЛОВАШЕНКО

(Киев)

Талмудическая мифология в свете библейской критики: Аким Олесницкий

(из истории библеистики и иудаики в Киевской
духовной академии XIX — начала XX в.)

Несколько слов о “предыстории вопроса” — почему, собственно, стоит говорить об иудаике в православной академической среде и в особенности в дореволюционной Киевской духовной академии. Интерес к еврейской тематике в киевской богословской и духовно-педагогической традиции существовал с XVII—XVIII вв. прежде всего в форме занятий гебраистикой. Причина такого интереса становится понятной, если учесть то отношение к Священному Писанию, которое формировалось в протестантской культуре во всем ее многообразии. Повышенное внимание к языку библейского текста (а Реформация, как известно, ввела в христианскую традицию представление об оригинальном древнееврейском тексте Ветхого Завета — масоретской редакции Танаха) определило, в свою очередь, и особый интерес к Ветхому Завету и “ветхозаветным древностям”.

Это создало импульс для развития исследований ветхозаветной культуры с точки зрения тех приемов исторической, литературно-филологической, историко-культурной критики, которые предлагались в качестве методологического инструментария Европой того времени — преимущественно протестантской (прежде всего немецкой). Так, известно значительное влияние немецких университетских центров пиетизма (таких, как Галле и Иена) на образование и воспитание преподавателей Киевской академии. Наиболее известной,

даже знаковой фигурой здесь был Симон Тодорский (1701—1754), протеже Феофана Прокоповича, фактический организатор систематического преподавания в Киеве еврейского языка. Он напрямую и достаточно тесно (узами ученичества, а позже — посредством профессиональных, корпоративных контактов) был связан в свое время с такими же знаковыми фигурами немецкого пиетизма и европейской библеистики, как А.-Г. Франке и известный гебраист и ориенталист Й.-Г. Михаэлис¹.

Говоря о киевской традиции, очень важно отметить следующее. Помимо интереса к гебраистике и “ветхозаветным древностям”, взгляд на собственно иудаизм в течение длительного времени определялся в ней традиционными стереотипами, унаследованными от Средневековья и перенесенными на киевскую почву как из Византии, так и из Западной Европы — стереотипами “в меру” фантастическими, “в меру” же и ксенофобскими. Ярким примером и образцом этого может служить сочинение известного представителя киевской богословской традиции Иоанникия Галатовского (ум. в 1688 г.) под названием “Меч духовный”. Содержащиеся там фантазии и измышления относительно евреев оставались нормативными в православной среде XVIII и по крайней мере первой трети XIX столетия; их прямо или в скрытой форме цитировали для обоснования и разоблачения “иудейских преступлений” перед христианством и христианами. Об этом свидетельствуют публикации в академической научно-богословской периодике².

Научное же — или, по крайней мере, серьезное богословско-апологетическое изучение не только ветхозаветного или межзаветного иудейства (там проблем как раз не возникало), но и средневекового или современного иудаизма, для киевской академической среды оставалось большой проблемой. Это приводило к ее фактическому бессилию (причем открыто признаваемому)

в случаях, когда необходимо было опровергнуть юдофобские мифы, продолжавшие оставаться почвой для судебных преследований и в XIX³, и в начале XX века.

О том, что ситуация с изучением иудаики на протяжении многих десятилетий оставалась в состоянии стагнации, живо свидетельствует статья А. Хойницкого в “Трудах Императорской Киевской духовной академии”. Так, даже искреннее желание опровергнуть один из самых распространенных “мифов о евреях” выразилось лишь в продемонстрированных автором, но ничем не подкрепленных чувствах и интуиции. Ему явно недоставало надлежащих научных данных. Речь в статье Хойницкого шла о событиях 40-летней давности, и, как оказалось, на протяжении этих десятилетий никакого научного их анализа предпринято не было. Вместе с тем, стала очевидной необходимость изучения огромных массивов “внебиблейской” еврейской книжности, относящихся как к талмудической традиции, так и к текстам “эзотерическим” или “мистическим”, чаще всего становившимся объектом мифотворчества и спекуляций.

Примерно в это же время появились первые исследования, посвященные Талмуду⁴. Особенно примечательным и по объему, и по методологии, и по своей идеологической позиции выглядит исследование выдающегося киевского гебраиста и библиста-ветхозаветника, профессора древнееврейского языка и библейской археологии Акима Алексеевича Олесницкого (1842—1907). Труд этот назывался “Из талмудической мифологии” и публиковался с продолжением в четырех номерах “Трудов КДА” за 1870 год; судя по всему, планировалось и продолжение публикации⁵. Это было, пожалуй, первое в отечественной гуманитарной науке и богословии глубокое систематическое исследование талмудической культуры, которое не только отличалось критико-апологетическим пафосом, но и строилось на определенной методологии и, если угодно, идеологии.

Несколько слов о методологии. Вероятно, в самом названии книги киевского профессора содержится своеобразный намек на обращение к методологии и категориям немецкой библейской критики, в том числе и так называемой “негативной” критики представителей “мифологической” школы, по-видимому, достаточно хорошо известной киевским библистам и богословам⁶. Как нам кажется, конфессиональная, идеологическая позиция автора сыграла свою роль именно в выборе методологии и системы оценок. Действительно, осуждая “отрицательных” критиков-“мифологистов”, отрицающих традиционные богословские взгляды на Иисуса Христа, Писание, историю христианства, православные богословы порой становились достаточно лояльными к критическому пафосу, методу и инструментарию, когда речь шла о необходимости или возможности критического разбора “чуждой” традиции, в данном случае — иудаизма. Это проявилось, в частности, в тексте киевского богослова, посвященном талмудической мифологии.

Положительной стороной избранного А. Олесницким подхода следует считать, прежде всего, источниковую базу, то есть обращение к первоисточникам — талмудическим трактатам на языке оригинала, что вполне естественно для одного из известнейших библистов и гебраистов Киевской духовной академии.

Но самое важное — Олесницкому удалось, избрав темой своей работы именно “талмудическую мифологию”, проанализировать агадический пласт талмудической письменности при помощи сравнительно-религиоведческого метода. Фактически это был один из первых опытов такого рода в отечественной науке. Конечно, методологическая и идеологическая составляющие компаративистского подхода Олесницкого могут быть оценены критически, но то, что “еврейский миф” стал объектом систематического анализа, представляло несомненную ценность. Столь же важным было при-

влечение исследователем разнообразного материала из греко-римской, египетской, иранской, индийской мифологии, философии неоплатонизма, христианского фольклора для анализа той трансформации, которую, как утверждает Олесницкий, претерпели традиционные библейские идеи и сюжеты, а также факты и события реальной истории еврейского народа, как в новозаветную эпоху, так и в эпоху раннего Средневековья?

Здесь мы подходим еще к одной интересной черте методологии Олесницкого. Это — “приоткрытие”, а иногда и попытка демифологизации разбираемого текста, прежде всего за счет анализа исторического и культурного контекста при прочтении и интерпретации талмудических сюжетов. Олесницкий во многих случаях показывает как бы два пласта, два уровня интерпретации агадического мифа. Один — восходящий к библейскому материалу, который под влиянием той или иной мифологической, философской либо фольклорной традиции трансформировался и получил внебиблейскую интерпретацию, — хотя бы уже по причине ее включения во внебиблейский контекст. И здесь библеист Олесницкий весьма строг в своих оценках адекватности интерпретаций тех или иных мест из Библии, которыми объясняются или обосновываются те или иные талмудические сюжеты.

Другой уровень восходит к исторической критике, конкретнее, к исторической критике Библии, где этот путь демифологизации религиозного текста, собственно, и был апробирован. Отсылая к историческим реалиям при объяснении тех или иных мифологических сюжетов и образов из талмудических трактатов, Олесницкий довольно прозрачно намекает на возможность и необходимость их демифологизации. В качестве показательного примера тут можно привести его анализ агадического рассказа о смерти Моисея из Дварим раба. Он пишет об образе Самаэля, в котором проступают собирательные черты римских императоров; об

освобождении из-под власти Самаэля, в чем слышатся отголоски персидского мифа о птице Симург и греческого о птице Феникс; о чудесном возвращении еврейских душ по трубам-тоннелям в Палестину (прообразами таких труб, по его мнению, могли быть римские катакомбы и грандиозные подземные ходы, выходявшие прямо к морю)⁹.

Мы видим, как формировалась довольно парадоксальная, несомненно интересная и эвристически плодотворная ситуация: “еврейский миф”, не ангажируя идеологически, религиозно или политически своих исследователей из среды православной профессуры, первым стал объектом научного, сравнительно-мифологического, историко-критического анализа, объектом применения тех методов, которые в Европе отработались первоначально как раз на библейском и историко-церковном материале, а в Российской империи в силу известных причин не могли быть применены таким же образом. Так, “талмудическая мифология” оказалась объектом “библейской критики” — на мой взгляд, интересный поворот на пути развития отечественной исторической, гуманитарной и богословской науки.

SERGEY GOLOVASHCHENKO

(Kiev)

From the History of Biblical and Judaic Studies in Kiev's Orthodox Theological Academy

This article is devoted to the early stage of the history of Biblical and Judaic studies in Russian Orthodox theological academies of the XIX Century. The episode of Kiev Hebraist and biblical archaeologist Professor J. Olesnitskiy's scientific and theological activity was analyzed. One of Prof. Olesnitskiy's works testifies as to the ways in which Talmudic culture became the first object of

comparative analysis and historical criticism in Russia. European scholars of that time used these methods when dealing with Biblical studies and Church history. In Russia, they were first applied to Judaic traditions in specific ideological conditions of the Orthodox theological academy.

- 1 См.: Нічик В. М. *Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії*. Киев, 2002. С. 27.
- 2 См.: Хойницкий А. *Новый факт по весьма давнему тяжкому обвинению на евреев* // Труды КДА. 1869. № 7. С. 66—95.
- 3 Там же. С. 90—92.
- 4 См.: Диминский С. *Исследование о Талмуде* // Труды КДА. 1868. № 1. С. 106—144; № 5. С. 298—337; № 8. С. 269—295; № 12. С. 332—354.
- 5 См.: Олесницкий А. *Из талмудической мифологии* // Труды КДА. 1870. № 1. С. 149—209; № 2. С. 402—444; № 4. С. 201—244; № 8. С. 273—327.
- 6 Прямые свидетельства о том, что представители киевской академической профессуры регулярно знакомились с западной литературой по библеистике и богословию и писали о ней критико-библиографические обзоры, мы имеем лишь с начала 1880-х годов. См., напр.: Царевский А. С. *Библейская литература истекшего года на западе. Ветхий Завет* // ТКДА. 1882. № 4. С. 341—354; 1883. № 9. С. 109—122; 1884. № 5. С. 103—123; 1885. № 4. С. 566—602; 1886. № 12. С. 675—712; он же. *Библейская литература истекшего года на западе. Новый Завет* // ТКДА. 1882. № 10. С. 206—220; 1883. № 12. С. 685—700; 1885. № 11. С. 470—504; 1887. № 3. С. 425—457; Царевский А. С. *Библейская литература истекшего года на западе. Ветхий Завет* // ТКДА. 1888. № 2. С. 352—364; № 3. С. 436—449; Рыбинский В. П. *Заметки о литературе по Св. Писанию Ветхого Завета за истекший год* // ТКДА. 1898. № 3. С. 429—456; 1899. № 5. С. 122—144; 1900. № 6. С. 286—310; 1905. т. II. № 5. С. 124—146; т. III. № 11. С. 413—435; Глаголев А. А. *Новости немецкой литературы по библейской археологии* // ТКДА. 1901. № 11. С. 466—474; № 12. С. 610—618. По более раннему периоду, к которому относится и рассматриваемая публикация А. Олесницкого, прямых данных такого рода нет, однако частота и характер цитирования западных авторов у Олесницкого и ряда его коллег (например, у профессора С.М. Сольского) позволяет предположить, что западная литература по библеистике и богословию была достаточно доступна в Киеве и в более ранний период.

- 7 См.: Олесницкий А. *Из талмудической мифологии* // Труды КДА. 1870. № 1. С. 157—158.
- 8 См.: Олесницкий А. *Там же*. № 8. С. 290—295.